

МАКС ВЕБЕР: 140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. Шлюхтер

ДЕЙСТВИЕ, ПОРЯДОК И КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВЕБЕРИАНСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

В статье дается всесторонний анализ веберовской исследовательской программы, ее принципиальных положений, выявляется ее эвристический и творческий потенциал. Рассматриваются десять ключевых понятий, раскрывающих основные черты «веберовской программы»: критический рационализм, идеальный тип, объясняющее понимание, эвристический рационализм, методологический индивидуализм, многоуровневый анализ, ориентация на успех и на внутренние ценности, дискуссия о ценностях, классовая и межсословная борьба и борьба порядков и организаций, личность.

Введение

Меня попросили высказать свое мнение об идее веберовской парадигмы. Мои размышления на эту тему я разделил на две части. Начать я хотел бы с двух предварительных замечаний, затем следуют десять ключевых понятий с объяснениями, которые позволят выявить основные черты «веберовской парадигмы», или, как я перевожу этот термин, веберовской исследовательской программы, понимающей и эмпирической социологии как теории действия (Handlung)*, порядка и культуры. Эти ключевые понятия также разделил на две части, которые соответствуют структуре «Основных социологических понятий» Макса Вебера: «I. Методологические основы; II. Понятие социального действия» (Handeln), как эти разделы названы у него. Как известно, понятие социального действия он берет за исходную точку, чтобы затем, с помощью специфических для каждого уровня основных понятий, заданных логически, а не генетически, провести читателя в параграфах 2–17 от действия и социального действия через социальное отношение и порядок к союзам. Архитектуру этих понятий я здесь опускаю — эту тему я рассматриваю в других работах**. В данной статье я отказался от подробного объяснения

* Понятие Handlung и Handeln переводятся нами как действие, хотя Handlung означает завершённое действие, поступок, а Handeln — совершающееся действие, акт, причем Вебер использует слово «Handeln», а Шлюхтер, как правило, «Handlung» (прим. переводчиков).

** См. мою последнюю работу на эту тему (Schluchter 2000a: 46).

основных понятий, но стремился обозначить общую ориентацию этой понятийной экспозиции через понятия действия, порядка и культуры. Таким образом, я представляю *свою* версию «Основных социологических понятий», которая, однако, стремится продолжить версию Макса Вебера.

«Основные социологические понятия» Макса Вебера — это результат более чем двадцатилетней работы над поставленными в них проблемами. И хотя многие формулировки понятий во второй части по сравнению, например, со статьей о категориях 1913 г. или работой о Штаммлере, являются новыми, «Основные социологические понятия» можно во многом рассматривать как продолжение этих и других, более ранних работ. Через все работы — начиная от статьи «Рошер и Книс и логические проблемы исторической национальной экономики» (1903–1906), далее через статью «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» (1904) и «Преодоление Штаммлером материалистического понимания истории» (1907), «Материалы (Erhebungen) об отборе и приспособлении (выбор профессии и профессиональная судьба) рабочих на крупных закрытых промышленных предприятиях» (1908), «Учение о предельной полезности и “основной психофизический закон”» (1908) и до первого публичного манифеста понимающей и эмпирической социологии 1913 г., статье о категориях («О некоторых категориях понимающей социологии»)* — через все эти работы проходит стремление прояснить методические и понятийные средства науки о действии и одновременно науки о порядке, сначала преимущественно национальной экономики, затем все больше социологии (которая включает и национальную экономику!)** . Это стремление, применительно к политэкономии, можно наблюдать уже в период до болезни Вебера, т. е. до начала XX в.***. Но только с 1903 г. оно обретает более ясные очертания. То, что написано в первой части «Основных социологических понятий», в «Методологических основах», практически полностью, более или менее точно, представлено и в вышеназванных работах. Макс Вебер сам неоднократно обращал на это внимание. Это, конечно, не означает, что с 1903 г. (публикация «“Исторического метода” Рошера») до 1920 г. (публикация «Основных социологических понятий») не было вообще никакого развития. Но в методическом и понятийном подходе оно имеет не такое решающее значение, как в материальной социологии, в частности, в социологии религии.

Мое первое предварительное замечание касается подзаголовка данной

* Как известно, статья о категориях состоит из двух частей. Вторая часть относится еще к периоду до 1913 г. Подробно об этом см. (Schluchter 2000a: 179 и след.).

** За исключением «Материалов об отборе и приспособлении», все тексты Вебера можно найти в (Weber 1968). Первоначально это собрание сочинений было составлено Марианной Вебер. Макс Вебер, который сам планировал сборник своих методологических статей, включал туда и «Материалы». Текст «Материалов» и комментарии к ним можно найти в (Schluchter 1995: 63 и след.)

*** Это показывают уже лекции по общей национальной экономике, которые Вебер регулярно читал до своей болезни. См. об этом в (Weber 1898/1990), где Вебер исходит из «современного западного типа человека и хозяйствования» и противопоставляет сконструированного хозяйствующего субъекта, нереалистичного человека абстрактной теории человеку эмпирическому (Weber 1898/1990: 29 и след.)

статьи: Что такое веберовская исследовательская программа?

Понятие исследовательской программы в постэмпирической теории науки имеет четкий смысл, который сложился в результате дискуссий между Томасом Куном, Карлом Поппером и Имре Лакатосом*. Речь в этих дискуссиях шла о взаимоотношении теории и истории науки, а также логики и психологии или социологии познания, но прежде всего о «преодолении» наивного фальсификационизма и представления о мгновенной рациональности («instant rationality»). Кун пытался показать на примере истории естественных наук, что исследовательский процесс протекает иначе, чем Карл Поппер это «предписывает» в своей, имеющей также нормативное обоснование «логике исследования», в своей основанной на метафизическом реализме теории фальсификационизма. Научный прогресс, полагает Кун, «обычно» протекает в условиях господства догматически защищенной парадигмы, которая уклоняется от любой серьезной критики и, после продолжительного периода доминирования, только тогда подвергается сомнению, когда не только возрастает число аномальных случаев, но меняется наша картина мира, т. е. в момент духовного кризиса, во время которого все, что раньше казалось несомненным, теряет силу убеждения и принуждения. Затем возникает революционная ситуация, когда до сих пор монополюльно господствовавшая парадигма разваливается и, после продолжительной борьбы, замещается новой, которая потом также завоевывает монополюльную позицию, что является началом новой нормальной фазы развития науки. Таким образом, научный прогресс представляет собой смену «нормальных» и «революционных» фаз, причем только во время революционных фаз можно говорить о плюрализме; во время нормальных фаз, напротив, альтернативные подходы отодвигаются на задний план. Кун твердо придерживался этой, якобы подтвержденной историей науки основной модели, хотя и заменил неясное понятие парадигмы отнюдь не более ясным понятием дисциплинарной матрицы. Карл Поппер, напротив, по моему мнению, справедливо усматривал в куновской «нормальной» фазе патологию. Имре Лакатос, который ввел понятие научной исследовательской программы, попытался согласовать эти два подхода. Его позиция, если ее очистить от присущего ей латентного догматизма, вполне совместима с попперовским требованием эмпирической и теоретической критики, можно даже сказать, с критичизмом Поппера, для которого теоретический плюрализм на *любой* фазе научного развития является обязательным.

Из понятия исследовательской программы можно сделать три вывода:

1. По-видимому, никогда не существует только *одна* исследовательская программа, всегда есть *несколько* программ, которые конкурируют между собой. Однако к каждой исследовательской программе применим принцип одновременности неоспариваемых предпосылок и критики. Невозможно критиковать все одновременно — так же, как рекомендуется придерживаться ставшей проблематичной программы до тех пор, пока не появится возможность заменить ее лучшей. Это как раз и имел в виду Вебер, когда писал о том, что нет *беспредпосылочной* науки, а научный прогресс протекает не в

* См. об этом в (Lakatos, Musgrave 1970), в частности, статьи Куна, Поппера и Лакатоса.

** См. об этом мое выступление в: (Bienfait, Wagner 1998: 359 и след.).

последнюю очередь как борьба в форме мирной конкуренции**.

2. В исследовательских программах можно выделить негативную и позитивную эвристику. *Негативная* эвристика защищает неоспоримые предпосылки, твердое ядро, которое в данный момент не подлежит никакой критике. *Позитивная* эвристика делает возможной поэтапную разработку и эмпирическую проверку теории.

3. В рамках исследовательской программы всегда следует стремиться к *расширяющим* содержание, а не *обедняющим* его изменениям в постановке проблемы. Правда, не всегда бывает ясно, какое научное действие той или иной категории будет полезным. Но одно самое общее требование не вызывает сомнений: избегайте *абсолютной* иммунизации.

В этом смысле я говорю не о веберовской *парадигме*, а об *исследовательской программе* Вебера, а точнее — о *веберрианской* исследовательской программе*. Для чего нужно такое различие? Это подводит нас к моему второму понятию.

Веберианство — обозначение, которое охотно используют американские социологи для характеристики социологического направления, связанного с Максом Вебером (Alexander 1990: 15 и след.). Я использую это внешнее обозначение, т. к. оно верно постольку, поскольку я хочу не просто интерпретировать, но эксплицировать Вебера. «Эксплицировать» значит следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следовать его решениям**. Итак, под экспликацией понимается развитие мысли, домысливание, в ретроспективном и перспективном обращении к другим и другому. Таким образом, эксплицирование не означает раскрытия природы вещей, как у Гегеля, или перевода имплицитного знания в сознание, как у Хабермаса. Скорее речь идет о лучшем решении проблемы при той же ее постановке. Проблемы, поставленные Максом Вебером в области методологии и основных понятий, на мой взгляд, остаются актуальными. Здесь, по-видимому, медленнее, чем в предметном анализе, перефразируя Вебера, рассеивается свет великих проблем культуры (Weber 1968: 214). Во всяком случае, необходимость ревизии здесь меньше, чем в предметном социологическом анализе***. Конечно, и

*В другом месте я также назвал эту исследовательскую программу кантианской, поскольку она возникла в результате трансформации фундаментальной философской позиции. См. об этом: (Schluchter 1988a: S. 80 и след.). При таком обозначении центральной является теоретико-историческая перспектива. Эти два названия не исключают друг друга, но являются взаимодополняющими.

** Такое определение экспликации я дал еще в 1979 г., в связи со своей книгой «Развитие западного рационализма. Анализ истории общества Макса Вебера» (Schluchter 1979: 14). Эта книга под несколько измененным названием, но с тем же содержанием в 1998 г. выходила несколько раз карманным изданием в издательстве Suhrkamp во Франкфурте-на-Майне. Изменение названия — «Возникновение современного рационализма. История развития Запада Макса Вебера» — подробно объяснено в предисловии к новому изданию.

*** Оценить необходимость ревизии в отношении социологии религии я попытался, прежде всего, во втором томе «Религии и образа жизни». Ср. также изданные мною 6 томов о завершенных и задуманных исследованиях Макса Вебера по хозяйственной этике мировых религий: (Schluchter 1981, 1983, 1984, 1985, 1987, 1988).

здесь есть изменения в постановке проблемы, в частности, благодаря открытию теории игр или в результате лингвистического поворота в теории культуры. Но их без особых нарушений можно включить в веберовский подход понимающей и эмпирической социологии. Поэтому, на мой взгляд, он является настоящей исследовательской программой также в рамках актуальной дискуссии о теориях.

Это отсылает нас к моему второму предварительному замечанию. Оно касается актуальной дискуссии о социологических теориях. Я полагаю, что ее отличают три конфликтные линии, краткая характеристика которых позволяет определить положение веберовской исследовательской программы. Это конфликт между системной теорией и теорией действия, внутри последней — конфликт между теорией коммуникативного действия и теорией субъективно осмысленного действия (*Theorie des subjektiv sinnhaftes Handelns*); наконец, внутри последней — конфликт между теорией утилитарного актора (*Theorie des nutzenkalkulierenden Akteurs*) и теорией актора, следующего правилам (*Theorie des regelgeleiteten Akteurs*). При этом необходимо отметить, что каждая из упомянутых теорий действия включает в себя теорию порядка или, шире, теорию структуры, т. е. представляет собой многоуровневый подход*. Далее надо заметить, что у этих теорий, при всех их различиях, существует ряд общих фундаментальных проблем. Так, во всех названных теориях, включая системную теорию, обсуждается понятие смысла, взаимность (*Mutualismus*) или парадигма интеракции, двойная контингенция и понятие понимания, хотя решения в рамках различных теорий принципиально различны. Также между названными теориями действия есть много общего. Все они фокусируют внимание на акторе, исходят из способных к речи и действию акторов в рамках многоуровневого подхода, хотя внесоциальные факторы социального они трактуют по-разному. Кроме того, в рамках всех вышеназванных подходов разрабатывается теория выбирающего актора, можно даже сказать, теория волюнтаристского действия, которую, однако, не следует отождествлять с теорией Толкотта Парсонса. Веберовская исследовательская программа, которую я отождествляю с теорией регулируемого правилами действия (*Theorie des regelgeleiteten Handelns*)**, должна отстаивать свои позиции преимущественно на трех теоретических фронтах: против (радикализованной) системной теории а ля Луман, против теории коммуникативного действия а ля Хабермас и против теории утилитарного действия (*Theorie des nutzenkalkulierenden Handelns*), в том виде, в

* Это относится к разнице между порядком самого действия и порядком для действия, на которую обратила внимание в первую очередь конституционная экономика. Рыночный порядок — это порядок для рыночного действия, обмен — это порядок рыночного действия, как правило, успешная координация действия. Об этой внутренней связи теории действия и структуры в общем см. мою статью «Теория действия и структуры по Макс Веберу»: (Schluchter 2000b: 86 и след).

** При этом следует различать подход регулируемого правилами действия (*Regelleitungsansatz*) и подход следования правилам (*Regelbefolgungsansatz*). Последний представляет собой один из вариантов теории утилитарного актора, и возник в результате расширения *homo oeconomicus* до *homo sociologicus*.

и некоторыми социологами, которых обычно снабжают ярлыком «теоретиков рационального выбора». Существует много вариантов этой теории, так что здесь скорее можно говорить о целой семье теорий. Это, кстати, относится и к понимающей и эмпирической социологии в широком смысле, если, помимо Макса Вебера, вспомнить еще Альфреда Шютца, Энтони Гидденса или Пьера Бурдьё.

Данную ситуацию можно систематизировать следующим образом:

Критерии	Позиции		Общее
1. Система – окружающая среда или действующий субъект – ситуация	Системная теория	Теория действия	Смысл, взаимность, двойная контингенция, понимание
2. Трансцендентальная прагматика или теория сознания	Теория коммуникативного действия	Теория субъективно осмысленного действия	Способные к языку и действию акторы, обобществление и образование общности как индивидуализация, институционализация и интерпретация, многоуровневый анализ
3. Практика или пойсис	Теория действия, регулируемого правилами	Теория утилитарного действия	Действия рационального выбора в соответствии с максимами, идеализации

Таким образом, я отождествляю веберианскую исследовательскую программу с теорией действия, регулируемого правилами. Есть ли для этого основания в понимающей и эмпирической социологии Макса Вебера? Я считаю, что «да», нужно только обратить внимание на исходные утверждения. Ведь социология для Вебера — это эмпирическая наука, «которая намерена, истолковывая, понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и его результатов». Итак, он определяет социологию как понимающую и тем самым объясняющую науку о действии, которая в то же время учитывает следствия, результаты действия, трансформацию намеренных и непредвиденных последствий действия в макросоциальные феномены, которые затем уже не доступны пониманию, но еще наблюдаемы. Действие, продолжает Вебер, есть «человеческое поведение (все равно, внешнее или внутреннее, отказ от действия или претерпевание), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*». Итак, в центре внимания находится понятие смысла. Социальным действием, читаем мы дальше, «однако, следует называть такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других людей*

на него» (Вебер 1956: 1 (§ 1)). Здесь в игру вступают взаимность и двойная контингенция. Это становится особенно явным, если принимать во внимание определение социального отношения. «Социальное “отношение” означает *соотнесенное* по своему смыслу и таким образом ориентированное на других поведение многих» (Вебер 1956: 13 (§ 3)). Это определение одновременно обозначает переход от ориентации действия к его координации. Итак, уже в этих немногих исходных дефинициях можно найти компоненты, общие всем теориям действия: понятие понимания, понятие смысла, взаимность и двойная контингенция, дееспособный и обладающий языковой компетенцией актор, который выбирает. Но теперь решающее значение приобретает то, каково содержание этих понятий и как они связаны между собой. Только если это происходит определенным образом, можно говорить о веберовской исследовательской программе. Чтобы это проиллюстрировать, я выбрал десять ключевых слов, которые я объясняю далее. Также я стремился показать, когда следует выходить за рамки веберовской исследовательской программы и каким образом это можно осуществить: именно это оправдывает определение «веберовская». Одной интерпретации, какой бы необходимой она ни была, здесь недостаточно.

Итак, я выбрал ключевые слова и объяснения к веберовской исследовательской программе, которые расположены в определенной логической последовательности:

1. Критический рационализм.
2. Идеальный тип.
3. Объясняющее понимание.
4. Эвристический рационализм.
5. Методологический индивидуализм.
6. Многоуровневый анализ.
7. Ориентация на успех и на внутренние ценности.
8. Дискуссия о ценностях.
9. Классовая и межсословная борьба и борьба порядков и организаций.
10. Личность.

Ключевые слова 1–6 относятся, скорее, к методологическим вопросам, тогда как слова 7–10 — к основным понятиям. Но это разделение не является закрытым.

1. Критический рационализм

Когда мы говорим о «критическом рационализме», мы должны различать то понятие, которое использовалось во времена Вебера, и его сегодняшнее употребление. Сегодня оно обозначает философское направление, связанное, прежде всего, с именами Карла Поппера и Ханса Альберта. Во времена Вебера тоже уже говорили о «критическом рационализме». Он сам в полной мере относил это обозначение и к себе.

Когда Макс Вебер после болезни постепенно восстановил свою работоспособность и снова начал писать — Марианна Вебер сообщает, что в 1902 г. он начал работу над методологической статьей о Рошере и Книсе (Weber

Marianne 1926: 319), — он занимался «некоторыми основополагающими логико-методическими проблемами» (Weber 1968: 1). Это были вопросы национальной экономики. В работе об объективности он цитирует отчаявшегося венского студента, который воскликнул на экзамене: две национальных экономики, теоретическая и историческая, какая здесь может быть объективность? Вебер, когда он обратился к «некоторым основополагающим логико-методическим проблемам», интересовался именно этим разрывом, на который указал венский студент. Эта пропасть казалось непреодолимой, с тех пор как в 1880-х гг. разгорелся методологический спор внутри национальной экономики, спор между Менгером и Шмоллером, между теоретическим и историческим способом рассмотрения.

Что значит в данном контексте «логико-методический»? Я полагаю, что «логико-» относится к теории понятий, а «методический» связан с теорией истолкования. Когда Вебер начинал писать свою статью об «“Историческом методе” Рошера», для него первоначально теория понятий была важнее, чем теория истолкования. Но последняя уже тогда заявила о себе. Для прояснения логических проблем он был вынужден искать совета у философов. Он так и поступил, что видно по многим фрагментам его логико-методических работ. При этом особенно полезной оказалась помощь двух философов: Генриха Риккерта, который как раз завершил свое исследование о границах образования понятий в естественных науках, и молодого Эмиля Ласка, который как раз в то время защитил диссертацию на тему «Идеализм Фихте и история» (Rickert 1902)*. В обеих работах рассматривалась проблема иррациональности, которая связана с образованием научных понятий: у Ласка, скорее, с точки зрения теории познания, у Риккерта — в методологическом аспекте. Вебер одобрительно высказался о Риккертe и использовал, как легко можно заметить в работе о Рошере, предложенную Ласком в его диссертации классификацию фундаментальных позиций: различие между аналитической и эманатистской логикой, между догматическим (докантовским), критическим (кантовским) и эманатистским рационализмом (Гегель). Вебер воспользовался предложенной классификацией и поместил разработанное Риккертом методологическое различие между генерализирующими и индивидуализирующими опытными науками в аналитическую логику, т. е. в область критического рационализма. И тогда разрыв между теоретическим и историческим методом изучения становится кажущимся, если уяснить себе, что *оба* они в своей основе имеют аналитическую логику, а также критический и одновременно конструктивный рационализм Канта, что они, в рамках этой фундаментальной позиции, устремляются к разным целям познания, при этом либо обобщая (теоретическое направление), либо индивидуализируя (историческое направление). Оба направления в равной мере

* Первые три главы вышли в свет уже в 1896 г., и Риккерт сообщает, что Вебер скептически высказался по поводу возможного продолжения исследований. Решающие для Вебера 4-ю и 5-ю главы Риккерт представил в 1902 г., и Вебер был явно удивлен и чрезвычайно обрадован результатом. См. (Lask 1923: 1–274). Ласк называет своими философскими учителями Риккерта, Виндельбанда и Гензеля.

допустимы, но оба и в равной мере необходимы, т. к. мы, люди культуры, интересуемся не только общим, законами, но и индивидуальным, «ставшим-именно-таким» явлением (проблема индивидуальности).

Своим разделением Риккерт, по крайней мере, дал понять, что работа в области наук о культуре равнозначна образованию индивидуализирующих понятий. Однако теоретическая национальная экономия была генерализирующей наукой о культуре. Более того: хотя Вебер в принципе разделял подход Риккерта, он с самого начала полагал, что во многих других аспектах этот подход нуждается в дополнениях. Уже в работе о Рошере он констатировал, что методическое противопоставление, на котором заостряет внимание Риккерт, «не единственное и для многих наук даже не существенное». «Даже если согласиться», продолжает Вебер, «с его тезисом о том, что объекты “внешнего” и “внутреннего” опыта в принципе одинаково “даны” нам, несмотря на отстаиваемую Риккертом “принципиальную недоступность чужой душевной жизни”, сохраняет силу тот факт, что ход человеческого действия и человеческие проявления любого рода доступны *истолкованию с точки зрения смысла*, которое, применительно к другим объектам, имеет аналог только на основе метафизики». И далее следует примечательное утверждение: «Возможность этого шага за рамки “данного”, какой представляет собой подобное истолкование, — это та самая специфика, которая оправдывает, несмотря на сомнения Риккерта, объединение наук, которые методически применяют такое истолкование, в особую группу (гуманитарные науки). Поэтому не следует впадать в заблуждение относительно того, что им необходима соответствующая роли математики основа в виде систематической науки, которую еще только предстоит создать, — социальной психологии» (Weber 1968: 12 и след. (Гл. 1))*.

Методическое применение истолкования было характерно для национальной экономии как теоретического, так и исторического направления, поскольку и то, и другое было связано с человеческими проявлениями, прежде всего с ходом человеческого действия. Однако чтобы учесть это обстоятельство, ни предложенного Ласком разделения логики на аналитическую и эманатистскую, ни риккертовского различения генерализирующего и индивидуализирующего способов образования понятий в опытных науках не было достаточно. Была необходима теория истолкования. Еще в 1905 г. Вебер констатировал, что она, несмотря на разработки Дильтея и его предшественников, находится в самой начальной стадии развития (Weber 1968: 91), и поэтому сначала он опирался на Георга Зиммеля, а именно на его «Проблемы философии истории», второе издание которых вышло в 1905 г.**.

И Ласк, и Риккерт в этом отношении были безмолвны. В работе Риккерта об образовании понятий 1902 г. (еще) нет теории истолкования. Свой подход к истолкованию он, предположительно основываясь на размышлениях Макса Вебера, включил только во второе изда-

* Это было направлено не в последнюю очередь против Шмоллера, который выдвигал требование гуманитарной психологии à la Дильтей в качестве основы для национальной экономии. Далее см. спор Вебера с Лампрехтом.

** Первое издание 1892 г. в этом отношении не является релевантным. Вебер называет страницы 27–62 второго издания «соответствующими» (Weber 1968: 92).

ние 1913 г. Интересно, что Вебер в 1920 г. ссылается на этот текст. В «Предварительных замечаниях» к «Основным социологическим понятиям» мы читаем: «О “понимании” ср. “Общую психопатологию” Карла Ясперса (также сюда относятся некоторые замечания Риккерта во втором издании “Границ образования понятий в естественных науках” и особенно Зиммеля в “Проблемах философии истории”»». Карл Ясперс, на теорию понимания которого Вебер здесь обращает внимание, также разработал ее в ходе интенсивного обмена идеями с Вебером*. Далее интересно то, что отсутствует всякая положительная оценка теории наук о духе Вильгельма Дильтея, которую Шмоллер ранее в методологическом споре приводил как образец для методики национальной экономики — и она отсутствует не только здесь.

Таким образом, в работе о Рошере Вебер уже окончательно приходит к выводу, что национальная экономика — это понимающая наука, как в своем историческом, так и в теоретическом направлении, поскольку она имеет дело со смыслом текста (человеческими вербальными высказываниями), но, прежде всего, со смыслом действия (протекание человеческого действия). И хотя смысл текста не может быть ей безразличным, все же в первую очередь это наука не о тексте, как другие науки о культуре, а о действии, и поэтому от нее требуется истолковывающее понимание смысла действия. В первой статье о Книсе, опубликованной в октябре 1905 г., это выражено абсолютно ясно: «Но наша каузальная потребность *требует* также, чтобы там, где в принципе есть возможность “истолкования”, она была осуществлена, т. е. простая отсылка к эмпирически наблюдаемому, пусть даже строгому *правилу* происходящего при интерпретации человеческого “действия” нас не удовлетворяет. Мы требуем интерпретации с пониманием “смысла” действия» (Weber 1968: 69). Истолкование для Вебера — это нечто другое, нежели подведение события под правило. Он различает номологические гипотезы и гипотезы истолкования. И все же гипотезы истолкования также служат объяснению. Национальная экономика и социология — науки о действии, которые, истолковывая, понимают его и *таким образом* стремятся объяснить его ход и последствия с точки зрения причины. Понимание и каузальное объяснение не противопоставляются друг другу. Кроме того, гипотезы истолкования также поддаются генерализации, как настойчиво подчеркивает Вебер. Социология — это генерализирующая наука о действии, так же как и теоретическая национальная экономика. В § 1, пункте 11 «Основных социологических понятий» (1920 г.) мы читаем: «Социология конструирует — мы уже многократно указывали на данное обстоятельство как на само собой разумеющуюся предпосылку — понятия-*типы* и ищет *общие* правила хода событий. В противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу и каузальному приписыванию *индивидуальных*, обладающих куль-

* Об отношении Макса Вебера к Карлу Ясперсу и его теории понимания, которая включает также критику психоанализа, см. (Bormuth 2002). На странице 38, цитируя Карла Ясперса, автор замечает, что необходимо пройти «между Сциллой естественнонаучной “мифологии мозга” и Харибдой герменевтической “психомифологии”». Это верно и для веберовского подхода к психологическому пониманию.

турной значимостью действий, образований, личностей. При образовании понятий социологии парадигматически *материал* берется преимущественно, хотя и не исключительно, из реальностей действия, которые релевантны также и с точки зрения истории. Социология образует свои понятия и ищет свои правила *также* и с той точки зрения, может ли она послужить тем самым историческому каузальному приписыванию важных в отношении культуры явлений. Как и во всякой генерализующей науке, из-за своеобразия ее абстракций ее понятия должны оказаться относительно *бедны* содержанием по сравнению с конкретной реальностью исторического. Но зато ее понятия должны обладать большей *однозначностью*» (Вебер 1956: 9 и след.).

Это определение социологии как понимающей и эмпирической науки о действии, которая использует как теоретический, так и исторический способ рассмотрения, также повлияло на возникновение веберовской исследовательской программы, хотя у Вебера оно еще вплетено в его понимание теории науки, которое отчасти уже устарело. Причина этого кроется в том, что Вебер, как и многие его современники и предшественники, находился под влиянием образа естественных наук, сформированного на основе механической картины мира ньютоновской физики. Физика в том виде, в каком она развивалась после открытия теории относительности, еще не входила в его поле зрения*. Знаменитое виндельбандовское разделение наук на номотетические и идиографические в определенном смысле отражает это состояние истории науки. И хотя Риккерт уже пошел дальше Виндельбанда, все же это затрагивало не номотетику, а идиографию. В постэмпирической теории науки процесс познания в естественных науках описывается способом, схожим с тем, каким Вебер, развивая идеи Риккерта, пытался описать познавательный процесс исключительно для наук о культуре. В науках о природе также присутствует, используя терминологию того времени, отнесение к ценности, т. е. происходит выбор *и* конституирование предмета. Что бы ни думали об учении Риккерта об отнесении к ценности (а насчет его верности существуют серьезные философские сомнения), в любом случае различие между науками о природе и науками о культуре проходит (уже) не здесь. Сегодняшний критический рационализм снимает это устаревшее противопоставление. Это, конечно, не означает, что науки о природе и науки о культуре совпадают в форме науки о действии. Ведь последняя требует теории истолкования для раскрытия своего предмета. В отличие от природных явлений, действия можно истолковывать и, как говорилось в приведенной выше цитате, наша каузальная потребность требует, согласно Веберу, «чтобы там, где есть возможность “истолкования”, оно было проведено». Науки о действии сохраняют свое особое положение, но не по причине своей логики, а на основании их особого метода, метода, который Вебер в «Основных социологических понятиях» излагает таким образом, что его вполне можно применять и развивать.

* В отличие, например, от Дж. Г. Мида, который был современником Вебера.

2. Идеальный тип

Эти размышления подводят нас к той части теории, которая сделала Макса Вебера знаменитым: к учению об идеальных типах, в котором многие видят его единственный оригинальный вклад в логику и методику социальных наук, наук о культуре как наук о действии (Burger 1976). Правда, вначале обращает на себя внимание то обстоятельство, что Вебер разрабатывает идеальный тип скорее с точки зрения логики. Так, в работе об объективности он отделяет идеальный тип от теории понятий догматического и эманатистского рационализма, с одной стороны, и от естественнонаучного познавательного идеала обобщения, от стремления к родовым понятиям, с другой. Идеальный тип — это «мыслительный образ, который не является ни исторической действительностью [против догматического рационализма], ни “собственно” действительностью [против эманатистского рационализма], который еще в меньшей степени призван служить схемой, в которую действительность помещается как *экземпляр* [против естественнонаучного познавательного идеала в рамках критического рационализма], но который имеет значение идеального *пограничного* понятия, по которому действительность, с целью прояснения определенных значимых составляющих ее эмпирического содержания, *измеряется*, с которым ее можно *сравнить*» (Weber 1968: 194).

Подобная формулировка может создать впечатление, что не только историческое, но и теоретическое направление национальной экономики — поскольку речь идет об их отношении — работают исключительно с генетическими или историческими понятиями, возникшими в результате индивидуализирующего образования понятий. И действительно, последующие пассажи работы об объективности можно прочитать таким образом, как будто Вебер именно это выдвигает на первый план. С другой стороны, практически тут же речь идет об идеальных типах общего и индивидуального характера, и они объясняются на основе построений теоретической национальной экономики*. Вебер вообще говорит о родовых идеальных типах, или об идеально-типических родовых понятиях** — очевидно, затем, чтобы учесть генерализующие методы теоретической национальной экономики. Создается впечатление, что он сам поставил себя перед дилеммой, поскольку изначально смешал в идеальном типе логику и методику.

Кажется, то же можно сказать и об идеализации, которая связывается с идеальным типом. Ведь существуют идеализации для действий и для природных событий, и Вебер сам это видит. Так, «эмпирическая непригодность псевдосферического пространства» так же мало затрагивает «“правильность” его конструкции», как отклоняющийся эмпирический ход действия — «правильность» конструкции рационального действия. И все же Вебер явно настаивает на различии, имеющемся между гипотезой истолкования хода действия и номологической гипотезой естественного процесса: «Гипотетичес-

* Ср., например, (Weber 1968: 130). Правда, формулировку в статье об объективности и эту формулировку разделяют почти два года.

** См. об этом (Weber 1968: 202) и «карту образцов» различных понятий (Weber 1968: 205).

кий “закон природы”, — пишет он в 1906 г., — который однозначно неверен в каком-либо *одном* случае, раз и навсегда оказывается несостоятельным как гипотеза. Идеально-типические конструкции национальной экономики, напротив, — при правильном их понимании — ни в коем случае не претендуют на *универсальную* значимость, тогда как “закон природы” *должен* на это претендовать, если он не хочет лишиться своего значения» (Weber 1968: 131). Если отвлечься от наивного фальсификационизма, который выражен в этой формулировке, то это различие можно обосновать не логически, а только методически, а именно учитывая тот факт, что предмет национальной экономики заключается в действии, т. е. в том, что имеет смысл, правда, всегда в комбинации с не обладающими смыслом явлениями. Гипотезы истолкования рисуют идеализированный, т. е. *возможный* ход действия, эмпирическая значимость которого *проблематична*. Ведь в принципе актер хотя и может действовать так, как это сформулировано наблюдателем в гипотезе истолкования, но он не обязан действовать именно так. *В принципе* — и это относится как раз к *рациональным* гипотезам истолкования, которые, например, «исходя из предпосылки строго рационального действия, мысленно конструируют последствия определенной экономической ситуации» (Weber 1968: 130). Падающий камень не выбирает, падать ему или нет, неважно, в реальных или в идеализированных условиях. Действующий актер хотя и подчиняется естественным законам, в отношении законов действия он свободен. Это верно также тогда, когда он следует логике той или иной социальной ситуации*. Тогда он «по доброй воле» приспособливается. Таким образом, идеальные типы — это такие понятийные конструкции, которые, строго говоря, имеют значение только в науках о действии. Поскольку последние стремятся к универсальным правилам протекания действия, идеальные типы тоже могут иметь универсальный характер. И все же это не устраняет разницу между интерпретативной и номологической гипотезами: закон действия и закон природы — это не одно и то же.

Итак, учение Макса Вебера об идеальных типах в конечном итоге предназначено исключительно для наук о действии. За их пределами в нем мало смысла. Но здесь оно на своем месте, потому что люди могут ориентироваться. Идеализация, которую наблюдатель проводит с эвристическими целями, и идеал, к которому стремится участник, в предельном случае совпадают. Это так не в последнюю очередь потому, что мы рациональные существа. Как пишет Вебер в одном из центральных мест своей социологии религии, одновременно легитимируя идеально-типический метод: «Также рациональное в смысле логических или телеологических “последствий” интеллектуально-теоретической или практико-этической установки имеет (и всегда имело) власть над человеком, какой бы ограниченной и изменчивой по сравнению с другими формами власти исторической жизни она всюду ни была» (Weber 1920: 537).

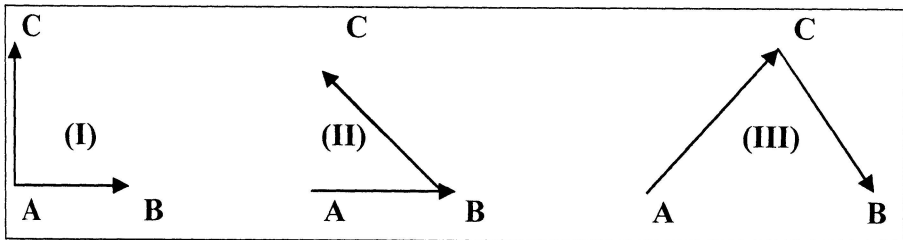
* Ситуативная логика, которую позднее подробно разработал К. Поппер, имеет в Вебере своего предшественника. Об этом см. в первую очередь (Norkus 2001: 110 и след.).

3. Объясняющее понимание

В понимающей и эмпирической социологии речь идет, следовательно, об основаниях определения действия. Можно также сказать, что она занимается основаниями как причинами, насколько она в состоянии постичь основания. Это не всегда так, и основания, которые она познает, не всегда являются истинными и верными, но субъективно мыслимыми, следовательно, теми, которые лежат в основе действия акторов. Смысловое основание Вебер называет также мотивом. Чтобы распознать мотивы, их нужно выстроить в смысловые взаимосвязи. Перспектива наблюдателя должна, следовательно, слиться с перспективой участника, но это не значит, что в пограничных случаях они всегда поглощают друг друга. Идеал как масштаб ориентации и идеальный тип как средство познания даже в пограничных случаях остаются все еще двойными. Науки о социальном действии, т. е. социология, политэкономия и исторические науки трактуются прежде всего прагматически, но это не значит, что их интерпретативная деятельность при этом может замереть. Она должна быть связана с психологическим прояснением условий. Вебер, особенно в связи со своими исследованиями по психофизике и экспериментальной психологии в Крэпелин-школе, признавал, что наука о поведении не должна ограничиваться в теории истолкования только прагматическим пониманием, но должна распространиться на психологическое понимание*.

Причина этого проста: многие основания остаются для наблюдателя или участника, или для обоих прагматически «закрытыми», они не следуют просто из логики ситуации. Это можно пояснить на «схеме в виде треугольника» Вильфредо Парето, которую Герт Альберт недавно воспроизвел в дискуссии (Albert 2002). Только в случае III есть основания причин, где присутствует возможность объясняющего понимания.

Три основные конфигурации каузальной модели «Схема-треугольник»

* Подробнее об этом см. мое исследование (Schluchter 1996: 71 и далее), а также написанные в 1913 г. пассажи из статьи о категориях, в особенности часть I и II. Эта точка зрения изложена также в «Основных социологических понятиях» (Schluchter 1996).

Интерпретация графических фигур Парето (ср. рисунки выше) гласит следующее:

I. Психическое состояние А производит убеждение С и поведение В, причем нет никакой прямой связи между С и В. Эта ситуация дана, если утверждается «Люди делают В и верят в С».

II. Психическое состояние А порождает поведение В и оба формируют убеждение С «Люди верят в С, потому что делают В».

III. Психическое состояние А действует на убеждение С, которое порождает поведение В. Эта ситуация соответствует утверждению «Люди делают В, потому что верят в С» (Pareto 1935: 180 (§ 268)).

Вебер, однако, не утверждает, что ход действия понятен всегда и во всех своих составных частях. Тем более этого нельзя сказать о результатах действия. Если взять случаи I и II схемы Парето, то речь идет о действиях, которые в любом случае требуют также психологического понимания. Обычно говорят, что случай I соответствует у Вебера его привычному, случай II — его аффективному действию, поскольку он помещает их на границе понимаемого. Их объединяет то, что основания здесь функционируют *не* в качестве причин, и, дополним, потому что здесь нет никакой *сознательной* ориентации на правила. В случае III совсем иначе. Здесь имеются понятные, субъективно подразумеваемые основания, будь то в форме мотивации через цели-максимы, будь то в форме мотивации через нормы-максимы. Это и есть фон веберовского различения между целерациональным и ценностнорациональным действием. К этому я вернусь в разделе 7.

Здесь важны три следствия: 1. Понимание — неотъемлемая составляющая наук о действии, но они не сводятся к нему. Понимание и объяснение не тождественны друг другу. И хотя Вебер утверждает в статье о категориях: «Чему бы социология воспротивилась, — это допущению о том, что “понимание” и причинное “объяснение” не имеют *никакого* отношения друг к другу, тем не менее верно, что они действуют на совершенно противоположных полюсах происходящего, что особенно статистическая частота поведения ни на шаг не приближает нас к его смысловому пониманию и оптимальная “понятность” как таковая ничего не говорит о его частоте» (Weber 1968: 436 и след.). 2. Понятие смысла, которое Вебер связывает с теорией истолкования, охватывает не только смысл текста и смысл действия, но трактуется еще шире, чем понятие правила, понятие языка и понятие психического. В статье о Штаммлере Вебер решительно отклоняет ограничения такого рода. 3. Веберовскую теорию мотива и понимания (истолкования смысловых оснований) можно «модернизировать» с помощью новейших философских теорий интерпретации, значения и действия. В первую очередь речь идет о Дональде Дэвидсоне*.

* Здесь можно обратиться к сборнику статей Д. Дэвидсона (Davidson 1990a; 1990b). См. особенно статью из первого сборника «Действия, основания и причины», из второго сборника — «Радикальная интерпретация». См. также (Greve, в печати).

4. Эвристический рационализм

Понимающая и, следовательно, объясняющая социология, вследствие того, что она рассматривает основания в качестве причин, должна стремиться в своих схемах истолкования к высшей степени смысловой адекватности. Но, как уже было сказано, смысловая и причинная адекватности не тождественны друг другу. Смыслоадекватная схема истолкования формулирует *возможный* ход действия, к которому эмпирическое действие лишь более или менее приближается. Наиболее полно, по Веберу, смысловая адекватность достигается «в *рациональных* (ценностно- и целерациональных) понятиях и правилах» (Weber 1956: 10 (§1, 11)). Он особо подчеркивает: в ценностно- и целерациональных понятиях и правилах, т. е. он не выделяет ни один из двух видов рациональности. Это важно отметить, т. к. в других произведениях и особенно в ранних текстах имеет место другая тенденция, которая отдает целерациональной схеме истолкования на эвристической основе определенное преимущество по сравнению с другими схемами истолкования. Эта тенденция прослеживается и в статье о категориях, где на переднем плане находится схема истолкования рациональности как правильности. Это не в последнюю очередь обусловлено тем, что в случае целерациональности участники (субъективно) и наблюдатели (объективно) применяют одинаковый стандарт значений, разделяемый к тому же интерсубъективно, так что анализ действия наблюдателем может трактоваться одновременно как критика действия, которая должна быть принята участником. Однако эта конструкция в «Основных социологических понятиях» уже не используется. Здесь он скорее подчеркивает методически равный статус рациональных понятий и правил со стороны наблюдателя, независимо от того, имеют ли они ценностно- или целерациональную природу, и субъективный характер оснований со стороны участника, независимо от того, имеют ли они ценностно- или целерациональную природу. Одновременно он подчеркивает, что не только для рационального, но и для иррационального и нерационального хода действия могли и, следовательно, должны были бы конструироваться смыслоадекватные понятия, идеальные типы, и что с акцентом на рациональных понятиях и правилах, сделанных на эвристических основаниях, конечно, не связано допущение о «фактическом преобладании рационального в жизни» (Weber 1956: 3 (§1, 3)).

5. Методологический индивидуализм

Это настаивание на *конструктивных* понятиях *возможного* предполагаемого смысла приводит Вебера к тому, что наряду с эвристическим рационализмом он представляет социологии также методологический индивидуализм. Ведь осмысленно действовать могут «только одно или несколько *отдельных* лиц» (Weber 1956: 3 (§1, 3)). Конечно, это звучит слишком просто — признать способность к языку и действию только у естественных индивидов. Мы всегда имеем дело и с коллективными акторами, к примеру, с юридическими лицами и социальными образованиями любого вида. Но когда мы говорим об их действиях, то в конечном итоге приписываем им свойства

отдельной личности. Способность к языку и действию коллективных акторов подчиняется принципу «как будто». Это не значит, конечно, что объект объяснения социологии, экспланандум, является исключительно индивидуальным действием. Напротив, объект объяснения — это, как правило, макрофеномен, «системное поведение», как говорит, например, Джеймс Коулмэн*. Поэтому методологический индивидуализм означает прежде всего необходимость проведения анализа макросоциальных структур и процессов с точки зрения их обоснования на микроуровне. И здесь вполне возможно представлять также прагматический методологический индивидуализм, который вид и глубину микрообоснования ставит в зависимость от проблемы объяснения (Coleman 1991: 7).

6. Многоуровневый анализ

Все это ведет к уже упомянутому многоуровневому анализу. Методологический индивидуализм и многоуровневый анализ взаимосвязаны самым теснейшим образом. Правда, Вебер не использует эти понятия, хотя и рассматривает обозначаемые ими вещи. Это можно прояснить на материалах исследований, которые кажутся весьма далекими от обсуждаемого здесь предмета. Речь идет о цикле статей «Протестантская этика и “дух капитализма”» (1904/1905 гг.), работу над которым Вебер начал почти одновременно с работой над статьей о Рошере и первые выводы которых он публикует сразу после статьи об объективности, используя раскрытую в ней «логику» исторической формы рассмотрения.

То, что исследование об аскетическом протестантизме может проиллюстрировать взаимосвязь методологического индивидуализма и многоуровневого анализа, впервые было показано Дэвидом МакКлелландом, затем принято многими авторами, среди которых Дж. Коулмэн и, прежде всего, Хартмут Эссер, который при этом пошел гораздо дальше других. Уже МакКлелланд подчеркивал, что объяснение, согласно которому «дух» современного капитализма возник под воздействием религиозной этики аскетического протестантизма, является не прямым, а косвенным, оно проходит через религиозно мотивированный учебный процесс, в котором акторам прививался мотив достижения. Только после этого мог возникнуть «дух» современного капитализма**. Коулмэн неправильно понимает Вебера (он говорит о капитализме как об экспланандуме, что Вебер явно отвергал), но формально правильно показывает макро-микро и микро-макроперехо-

* См.: (Coleman 1991: 2 и след.). Коулмэн говорит о «внутреннем анализе системного поведения».

** Ср.: (McClelland 1961: 47). В соответствии с этим путь ведет от протестантских ценностей уверенности в себе (self-reliance) через стиль воспитания родителями-протестантами (воспитание независимости и дисциплины) к мотиву достижения у сыновей и в результате агрегации их действий — к духу современного капитализма. МакКлелланд, таким образом, устанавливает косвенную связь с помощью некоего рода теории социализации. Доказательство историчности такой аргументации обнаруживается в очень важных для веберовского тезиса педагогических текстах аскетического протестантизма. См. также (Lenhart 1998).

ды, и микро-микровзаимосвязи (Coleman 1991: 10). Однако лишь у Хартмута Эссера присутствует формально и содержательно чистый анализ модели объяснения, которую Вебер использует в своем исследовании протестантизма (Esser 1993: 100).

В объяснении Вебера, согласно Х. Эссеру, реализуется базовая модель социологического объяснения. Это всегда многоуровневая модель. Какой бы уровень мы не выбрали (прагматический методологический индивидуализм!), объяснение макрофеномена должно осуществляться через ниже лежащий уровень, от «логики» (надиндивидуальной) ситуации через «логику» селекции к «логике» агрегации или трансформации. Можно спорить о том, следует ли говорить при этом о «логике». Этот вопрос я оставляю открытым*. Решающим, согласно формулировке Эссера, является скорее то, что социологическое объяснение экспланандума заключается в последовательных и затем комбинированных ответах на три вопроса: в «типизирующем *описании* ситуаций через *связывающие гипотезы* (Brueckenhypothesen)»; в «*объяснении* выбора действий акторами с помощью общей теории действия»; и в «*агрегации* индивидуальных действий в коллективный экспланандум по *правилам трансформации*». Социологическое объяснение требует, следовательно, методически контролируемого перехода с макро- на микроуровень. При этом ядро объяснения содержится в общей теории действия (Esser 1993: 97).

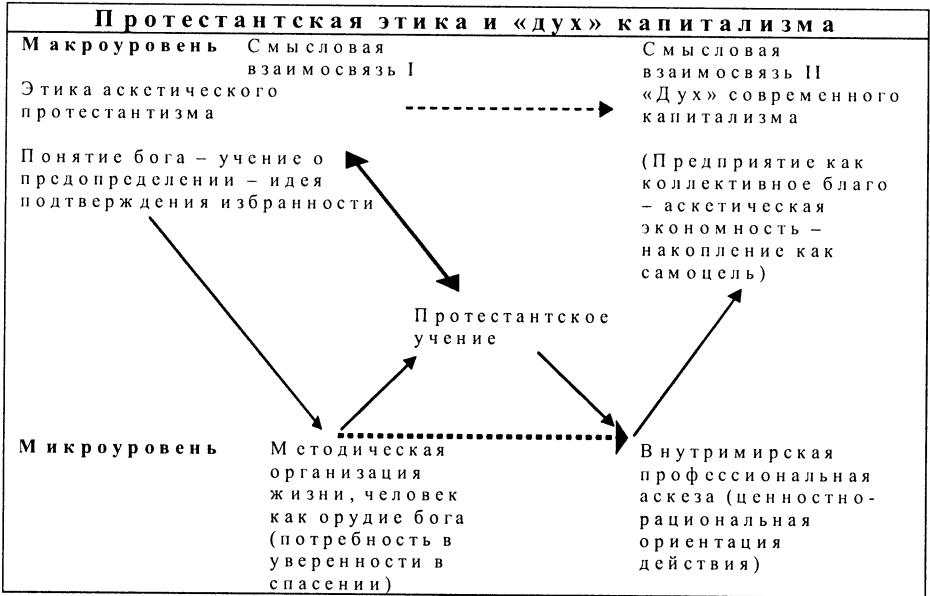
Фактически в исследованиях Вебера об аскетическом протестантизме и «духе» современного капитализма можно выявить эту модель объяснения. Конечно, здесь она представлена не так явно, как у выше названных авторов. Прежде всего, следует отметить: Вебер изучает здесь только *одну* сторону каузального отношения, как он позднее скажет — влияние культурной религии на нравственную атмосферу хозяйства (Weber 1920: 12), но не классовую и социальную обусловленность этой культурной религии**. Тогда в формальной презентации нельзя скрывать промежуточный шаг — адаптацию религиозных образцов толкования к потребности верующих быть уверенными в своем спасении. Необходима по меньшей мере двойная смена уровней для объяснения возникновения «духа» современного капитализма. Это, конечно, ни в коей мере не противоречит основной структуре социоло-

* Например, существует различие в том, говорят ли о логике или об определении ситуации. Если исходят, как Поппер, из логики ситуации, то действующий рационально субъект может только приспособиться к этой ситуации. Так, кстати, истолковал Вебер конструкции теоретической национальной экономики своего времени. Если, напротив, исходят из определения ситуации, то предполагают, что, несмотря на надиндивидуальный характер ситуации, договорные процессы о ее определении могут также сыграть свою роль. Именно это предполагается теорией актора, следующего правилам.

** Такова формулировка в «Распределении собрания сочинений» 1914 г., напечатанного Иоханнесом Винкельманом в 1986 г. (Winkelmann 1986: 168). К обусловленности порядком относится также организационная обусловленность, в частности, церковным уставом (или уставом сект), которую Вебер в своих первоначальных исследованиях выразительно заключает в скобки. См. также (Schluchter 2000a: 104, 115).

гического объяснения: ее необходимо расширять лишь горизонтально через секвенцирование и вертикально через дифференциацию уровней*.

Отсюда формально следует такая модель объяснения (сплошные линии обозначают необходимые шаги, а пунктирные линии — резкие переходы в объяснении):

Решающим для нашего обсуждения является следующее: «дух» современного капитализма имел первоначально *ценностно-рациональное* микрообоснование. Его нельзя объяснить как следствие утилитарной расчетливости задействованных акторов. Но это возвращает нас к посылкам понимающей и эмпирической социологии как науки о действии.

7. Ориентация на успех и самооценность

Под ключевыми словами «объясняющее понимание» и «эвристический рационализм» мы уже рассмотрели посылки деятельностной теории, правда, исключительно под методическим углом зрения. При этом стало ясно, что гипотезы истолкования не должны растворяться в номологических ги-

* По этому поводу см.: (Esser 1993: 112–118). В дифференциации уровней можно, в частности, различать между уровнями порядка и союзов, и последний считать мезоуровнем. Последовательность макро1>микро1>микро2>макро2 можно формально интерпретировать по схеме Н-О, что и делает Эссер: начальное условие — общий закон — экспланандум, так что схема снова становится начальным условием следующего шага объяснения. Только при этом всегда необходимо помнить, что общий закон есть закон действия, так что формально схема выглядит следующим образом: X (актор) имеет цель осуществить F; X убежден в том, что он может реализовать цель F, только если он выполнит H (действие); X исполняет H. По этому вопросу см.: (Schluchter 2000a: 86, 95).

потезах. «Законы» действия и законы природы, рассматриваются ли они строго или только эмпирически (законы вероятности), это две разные вещи. Также мы выявили методическую равноуровневость целе- и ценностнорациональной схемы интерпретации по меньшей мере для «Основных социологических понятий». Если сравнить статью о категориях 1913 г. с «Основными социологическими понятиями» 1920 г., то, с точки зрения методики здесь, по-видимому, имеет место важнейшая новация.

Вебер еще раньше интересовался — об этом свидетельствует исследование об аскетическом протестантизме — несводимостью ценностнорациональных стандартов ориентации к целерациональным. «Дух» современного капитализма первоначально имел ценностнорациональную, а не целерациональную основу. Правда, вначале Вебер использует иные понятия. Но уже в статье о Штаммлере, в которой он подробно рассматривает понятие правила и его различные значения, вводит различие между регулируемым правилами действием, ориентированным на максимы-цели и действием, ориентированным на максимы-нормы. В обоих случаях речь идет о поддающихся рационализации правилах, как с точки зрения наблюдателя (рациональная схема интерпретации), так и с точки зрения участника (рациональная ориентация деятельности). Однако в начале это предметное рассмотрение предшествует методическому.

Кроме того, есть определенная путаница в понятиях. Понятия «ценность» и «цель» двулики. «Цель» означает в одном случае спецификацию «ценности» как предвосхищение желательного (не желаемого). Именно это понятие цели используется, когда Вебер, проясняя этические вопросы, различает между ценностями успеха и ценностями убеждения, которые должны превратиться в цели, чтобы стать релевантными для того или иного действия. Но в другом случае «цель» означает выражение общего факта, что любое действие обнаруживает телеологическую структуру, т.е. всегда может (и должно) пониматься в категориях цели и средства. В свою очередь «ценность», как уже было сказано, можно определять как желательное, которое у Вебера не ограничено «этикой». Но в другом случае «ценность» является стандартом ориентации, в котором сформулированы заповеди или требования к актору, верящему, что им должна соответствовать «безусловная самоценность определенного поведения как такового и независимо от успеха»*. Если выбирается это второе значение, то «цель» и «ценность» означают две ориентации действий, которые основываются на разных максимах действия: с одной стороны — на технических, с другой — на нормативных правилах**. Вебер в одном месте определяет «цель» как «представление об успехе, которое становится *причиной* действия»***. По аналогии с этим я предложил определять «ценность» как представление о *значимости*, которое становится *причиной* действия. При этом мы находимся на уровне действия, и в обоих случаях речь идет об образовании мотивов, смысловых оснований, из которых исходит действие.

* Такова формулировка Вебера (Weber 1956: 12 (§ 2)).

** Об этом различии см. (Durkheim 1967: 92). Дюркгейм говорит, конечно, не о нормативных, а о моральных правилах.

*** Это определение имеется уже в статье об объективности (Weber 1968: 183).

В этом смысле на уровне ориентаций я различаю между ориентацией на успех и ориентацией на самооценку, которые связаны с различными принципами действия, «правилами» деятельности: с одной стороны — техническими правилами (согласно кантовским правилам смекалки (Klugheit) и сноровки (Geschicklichkeit)), с другой — с нормативными правилами в широком смысле. Обе ориентации и оба типа правил поддаются рационализации и не сводимы друг к другу. В этом смысле ценностная рациональность не является ущербным модусом целерациональности, как все еще утверждается, но и целерациональность не является ущербным модусом ценностной рациональности или же одной из универсальных рациональностей, коммуникативной рациональностью. Коммуникация важна для рационализации *обоих* типов правил и ориентаций, как это будет показано ниже. На первом плане прежде всего другой вывод. Он касается пресловуто-знаменитого различия между этикой убеждения и этикой ответственности. Утверждают, будто этика убеждения имеет ценностно-рациональное основание, а этика ответственности — целерациональное. Это неверно, так как тогда этика ответственности была бы этикой успеха. Она, однако, является расширением и углублением этики убеждения. Ни та, ни другая не основываются исключительно на сноровке или смекалке, следовательно, в конечном счете, успехе*.

Эти размышления ведут к следующему упорядочению этики убеждения и этики ответственности в типологии ориентаций действия:

Упорядочение этики ответственности и этики убеждения в типологии ориентаций действия

Критерии	Типы		Методический способ
Неосмысленное или осмысленное	Реактивное поведение		Наблюдающее объяснение в связи с психологическим пониманием, т.е. пониманием мотивации
Рутинизированное или не рутинизированное	Привычное действие		
Спонтанное или регулируемое правилами	Аффективное действие		Прагматическое понимание в связи с психологическим пониманием, т.е. пониманием мотивации
Направляемое максимами цели или максимами норм	Целерациональное действие		
Направляемое этической ценностью убеждения в связи с ценностью успеха или исключительно ценностью убеждения	 Действие в этике ответственности	 Действие в этике убеждения	

* По этому поводу см. подробнее мою статью об этике ответственности и этике убеждений в (Schluchter 1988a: Кар. 3), а также комментарии в (Schluchter 2000a: 22 и далее, 33 и далее). См. также работы Агаты Бьянфэ (Bienfait 1998: 11; 1999).

Здесь становится очевидным резкое отличие от теории утилитарного актора. Ориентированное на самоценность, т. е. в конечном итоге, ценностно-рациональное действие не является вариантом расчета полезности. В веберовской исследовательской программе это ограничение, представленное прежде всего в экономическом подходе, должно быть преодолено. Это, конечно, не означает, что можно игнорировать прогресс, который в новейшей экономике связан прежде всего с теорией игр и который привел к лучшему пониманию стратегической рациональности. То, что Вебер назвал целерациональностью, было ориентировано у него еще на параметрическую, а не на стратегическую рациональность. Здесь веберовская исследовательская программа тоже не может останавливаться на уровне, достигнутом Вебером. Это, однако, никак не затрагивает требования универсального понятия рациональности, которая рассматривала бы ориентацию на успех и самоценность как поддающиеся рационализации ориентации действия, не сводимые друг к другу.

8. Дискуссия о ценностях

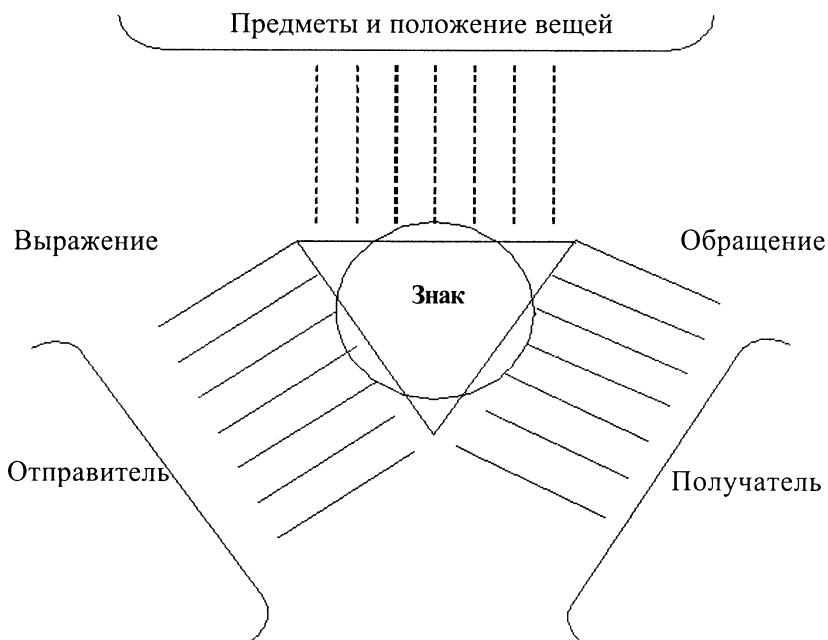
Чтобы обеспечить возможность универсального понятия рациональности существует способ, который Макс Вебер назвал дискуссией о ценностях. В определенной мере он близок к теории дискурса, которая лежит в основе теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Правда, здесь нужно учитывать специфическое различие, связанное с положением понятия коммуникации.

Из понятийного фонда философии ценностей того времени Вебер берет такие понятия, как «ценность», «ценностное отношение», «ценностная интерпретация», а также «ценностный анализ», который он иногда называет диалектическим (Weber 1968: 123), и кроме того понятие «дискуссии о ценностях»*. Ценностное отношение и ценностный анализ (ценностная интерпретация) выделяются при этом «технической» трактовкой. Ценностное отношение касается *исторических*, а ценностный анализ (ценностная интерпретация), напротив, *мыслительных* взаимосвязей, причем прояснение одного может помочь прояснить другое. Это происходит потому, что, как полагает Вебер, в ценностном анализе также разрабатываются возможные ценностные отношения для исторического исследования. Но ценностный анализ этим не исчерпывается. Он одновременно делает исследователя более чувствительным к ценностям и в определенной мере развивает саморефлексию участников. Ведь он учит видеть свою позицию с точки зрения других, т.е. требует принятия перспективы. Поэтому он, в конечном итоге, требует диалога с другими, коммуникации.

Коммуникация — центральное для новейшей теоретической дискуссии понятие. Луман и Хабермас развивают теорию коммуникации, один системно-теоретическую, другой — универсально-прагматическую, один, со-

* Есть и другие контексты использования понятия ценности, например, в связи с понятием идеи культурной ценности. Что является заимствованием и что — собственным словообразованием, остается неясным. О различных направлениях философии ценностей и ее влиянии на рубеже столетий см.: (Schnädelbach 1983).

относя понятие коммуникации с понятием системы, другой, соотнося понятие коммуникации с понятием действия*. Показать различия этих двух подходов и отделить от них подход, разработанный Вебером, поможет модель языковых функций Карла Бюлера. У Хабермаса она эксплицитно служит исходным пунктом**.

Для Лумана социальные системы состоят из коммуникаций, которые присоединяются друг к другу. Базовая констелляция характеризуется взаимностью (мутуализмом) и двойной контингенцией. Требуются по меньшей мере две психические системы (ego и alter), которые оказываются связанными друг с другом. Речь идет о «черных ящиках», которые являются друг для друга средой и непроницаемы. Один «black box» создает шум, который другой, используя различия сообщения и информации, понимает как предложение коммуникации. Он либо присоединяется к ней, либо нет. Если он отказывается от присоединения, то социальной системы не возникает. При этом безразлично, «правильно» ли понимает присоединяющийся «black box», и если да, согласен ли он с правильно понятым (т. е. консенсус не предполагается). Кроме того, он может присоединяться либо к сообщению, либо к информации, следовательно, либо к переживанию, либо к действию. Как бы то ни было, главное, что он продолжает и поддерживает поток коммуникации (Luhmann 1984: 155).

* Мы, конечно, не претендуем на интерпретацию этих «великих теорий». Коммуникативно-теоретические подходы метко и обстоятельно сравниваются в работе (Krämer 2001: Kap. 5, 9).

** Я указываю лишь на работу Хабермаса 1988 г. (Habermas 1988: 105).

155).

В то время как Луман недостаточно использует потенциал рациональности коммуникации, у Хабермаса прослеживается тенденция к завышению ее потенциала, его модель коммуникации содержит не только рациональность во всей ее полноте, но и притязание на универсальность. Вместо узкой системно-теоретической интерпретации бюлеровской модели (не применяемой Луманом) Хабермас дает универсально-прагматическую интерпретацию, которая не скрывает коммуникативных *намерений* его и исходит из двойной структуры речи с иллокутивной, контактоустанавливающей и пропозициональной составными частями. В любой пропозиционально дифференцированной речи — при условии понятности языковой игры — принципиально подчеркиваются три притязания на значимость и создаются три отношения к миру, а также ищется согласие партнеров по интеракции. Хотя в отдельном речевом акте на первый план выступает *одно* притязание на значимость и *одно* отношение к миру, все же они всегда действуют одновременно. Если его осуществляет речевой акт, который включает коммуникативные намерения, то это связано с предложением к alter занять позицию «да/нет». Поскольку оба партнера по интеракции действуют ориентируясь на понимание — они должны так действовать, если они не хотят запутаться в перформативных противоречиях — они при этом берут на себя обязательство либо обоснования, либо оправдания, либо подтверждения. Они будут обмениваться своими аргументами до тех пор, пока они нацелены на рациональное согласие, которое в принципе, достижимо, хотя в реальности и не всегда.

Конечно, эта универсально-прагматическая и теоретико-речевая интерпретация бюлеровской модели гораздо ближе к веберовской исследовательской программе, чем системно-теоретическая интерпретация Лумана, уже потому, что в ней коммуникация связана с действием, а не с системой. Однако с точки зрения концепции Вебера интерпретация Хабермаса будет слишком «сильной». Хотя смысло-теоретическое объяснение дискуссии о ценностях, которое я предлагаю, также должно исходить из двойной структуры речи и из трех притязаний на значимость и отношений к миру, оно, в сопоставлении с приведенной моделью Юргена Хабермаса, будет иначе распределять четыре взаимосвязи: взаимосвязь ориентации на достижение понимания и согласия, взаимосвязь речевого действия и воздействия, взаимосвязь обязательств обоснования, оправдания и подтверждения, взаимосвязь языкового действия и воздействия, во-первых, изнутри через убеждение, во-вторых, извне через стимул и санкции. Здесь это можно лишь обозначить, не вникая в подробности. Для этого следовало бы отдельно изложить теорию Хабермаса, учитывая при этом те изменения, которые он с 1981 г., т. е. с момента публикации теории коммуникативного действия, неоднократно вносил в свой первоначальный проект*. Решающим, однако, является следующее: если коммуникацию в контексте дискуссии о ценностях интерпретировать смысло-теоретически, то отсюда можно извлечь *рефлексивные* отправные точки не только для научного исследования, но и для

* Я имею в виду, в частности, статью (Habermas 1996: 66). Также об этом см. (Habermas 1999).

формирования рациональных мотивов. Рационализация ориентаций на успех и на самоценность оказывается тогда в центре дискуссии о ценностях.

9. Классовая и сословная борьба и борьба порядков и организаций

Веберовская исследовательская программа, как было показано, обязана своим возникновением методологическому индивидуализму и многоуровневому анализу. Это требует соответствующих тому или иному уровню основных понятий, рассмотренных Вебером в его «Основных социологических понятиях». В этой связи я выделяю четыре точки зрения, не все из которых изложены в «Основных социологических понятиях»: 1. Центральное положение понятия борьбы; 2. Подчеркивание вертикальных неравенств (классовых и сословных); 3. Подчеркивание горизонтальных неравенств (порядок и организация); 4. Стратегии закрытия и открытия.

Для Вебера социальные отношения являются не только отношениями солидарности, но и отношениями борьбы. Борьба может осуществляться насильственно или мирно. Как бы она ни осуществлялась, она ведет к социальному отбору, а именно, благодаря тому, «что определенный вид действия с течением времени вытесняется другим действием тех же или других людей, что в конце концов, означает «отбор человеческих типов» (Weber 1956: 21 (§ 8, 3)). Поэтому всегда существует социальное неравенство между людьми. Оно имеет вертикальное и горизонтальное измерение.

Вебер расширил марксово понятие классов (класс владельцев и класс наемных работников) и дополнил его понятием сословия (сословия по образу жизни и профессиональные сословия). Я не рассматриваю это разделение подробно. Для меня важнее другое. Статья Вебера «Очерки...» (Weber 1898/1990) с 1914 г. не случайно имела название: «Хозяйство и общественные порядки и власти», который я советовал бы читать как «Хозяйство и экономическая власть в их отношении к остальным общественным порядкам и типам власти». Фактически это модель дифференциации порядков (и впоследствии также дифференциации организаций и союзов), которая в отличие от обычных социологических теорий дифференциации имеет интересные особенности. Это подробно изложено Томасом Швинном (Schwinn 2001). Прежде всего, вместо понятия общества следовало бы применять понятие конфигурации порядков*. Важна конкретная констелляция (под)порядков. К этой модели дифференциации относится также тезис о борьбе между ними (и между организациями). Порядки не всегда благоприятствуют друг другу, иногда они мешают друг другу или остаются индифферентными. При этом речь всегда идет о проблеме *негативного* внешнего эффекта действия в рамках порядков, например, экономического порядка, и о том, где и как они видоизменяются. Чем глубже дифференциация порядков, тем труднее становится их координация. В теории дифференциации порядков исходят из того, что это неотъемлемая задача политико-правового порядка,

* Это было предложено мною уже в 1979 г. (Schluchter 1979: 39). Вместе с тем я использовал понятие истории общества, т. е. заново ввел понятие общества, которое Вебер избегал в «Основных социологических понятиях». Эта терминологическая непоследовательность была одной из причин, почему я изменил название для карманного издания книги. Для этого имелись веские основания.

или в терминологии Вебера, конституционного государства как ведомственного и налогового государства*. При этом возникает один исторический вопрос: как осуществляется это координационное воздействие — только негативно (избегание нарушений или даже взаимная блокада порядков друг другом) или так же позитивно. Если принять стратегию закрытия или открытия, или исключения и включения, то становится доступным понятийный инструмент для анализа социальных неравенств в исторической перспективе. Это указание особенно актуально тогда, когда в этой области процветает структурно обособленный анализ стиля жизни**.

10. Личность

Социальное неравенство как следствие борьбы за утверждение вертикального и горизонтального неравенства, исключений и включений, ведет, согласно Веберу, к отбору человеческих типов. Какие человеческие типы с какими материальными и идеальными интересами и за счет каких картин мира в широком культурном контексте, при каких исторических условиях становились определяющими — вот предмет его интереса в социологии религии, права и господства. Всегда только членам малых групп, привелигированных ортодоксально или гетеродоксально, негативно или позитивно, удается прийти к «постоянству их внутреннего отношения к определенным конечным “ценностным” и жизненным значениям» (Weber 1968: 132). Тогда можно говорить об *образе жизни*, а также о личности***.

* Это, естественно, не должно означать, что эта задача может выполняться *только* национальным государством, хотя, как и прежде, в этом случае, даже в многоуровневой системе Европейского Союза, речь все еще идет о балансе и компенсации между принципами общности и межгосударственности. Конституционное государство как ведомственное и налоговое государство также не является «прочной» величиной. Мы интерпретируем его сегодня скорее как меняющуюся институционализацию принципа правового государства, демократии и социального государства (которые иногда дополняют принцип федерализма).

** Об этой проблематике см.: (Müller 1992).

*** Эту взаимосвязь я попытался раскрыть в двух томах книги «Религия и образ жизни». О значении еретических и прежде всего сектоподобных движений для динамики «культур осевого времени» или осевых культур, названных им так вслед за Карлом Ясперсом (Eisenstadt 2003, 1999, особенно глава 1). Айзенштадт интерпретирует рассмотренные Максом Вебером в «Собрании статей по социологии религии» мировые и культурные религии как «осевые культуры», каждая из которых развивала свою динамику и, следовательно, создавала собственную почву для рецепции возникшей в Западной Европе культурной программы модерна и первоначально связанных с ней институций, что на основе диффузии этой программы с момента ее возникновения в Западной Европе привело к разнообразию современности. Из двух проблематизаций Вебера, проблемы возникновения и проблемы распространения современного западного рационализма, Айзенштадт в новейшее время обратился прежде всего ко второй, при этом он, конечно, пошел значительно дальше Вебера. Об этом см. (Eisenstadt 2000). О различии двух постановок вопроса см. статьи Х.Г. Нутцингера в книге (Nutzinger 2002). Веберовская исследовательская программа, естественно, не может ограничиваться прояснением методических и понятийных вопросов, но должна также инициировать и проводить дальше предметные исследования. Этим занимается, например, Райнер Лепсиус, причем по сравнению с Айзенштадтом он все же остается ближе к Веберу (Lepsius 1990; 1993). Сюда же относятся работы Стефана Брейера.

Таким образом, понятие личности у Вебера, которое он развивает в своих сравнительных исследованиях, имеет историческую сторону. Однако оно имеет и нормативную сторону, которая несет всю конструкцию понимающей и эмпирической социологии как теории действия, порядка и культуры. Человек становится личностью лишь потому, что он занимает определенную позицию по отношению к миру, приписывает ему смысл и согласно этому действует. И как наделенное разумом существо, он способен обосновать свою позицию. Без этой способности к обоснованному мнению, а также готовности высказывать его в рациональной дискуссии, не было бы никаких наук о культуре. В этом смысле следовало бы известный пассаж из статьи об объективности читать не трансцендентально философски, но в определенной мере жизненно-практически, или как говорится, антропологически*: «Трансцендентальная предпосылка любой науки о культуре состоит не в том, что мы считаем ценной определенную — или вообще какую бы то ни было — «культуру», а в том, что мы являемся людьми культуры, обладающими способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл» (Weber 1968: 180). Это и есть тот стержень, на котором держится веберовская исследовательская программа.

*Перевод с немецкого В.В. Козловского, К.Г. Тимофеевой
при участии А.В. Тавровского*

Литература

Albert G. Paretos hermeneutischer Positivismus. Eine Analyse seiner Handlungstheorie // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2002. Jg. 54.

Alexander J. C. Analytic Debates: Understanding the relative autonomy of culture // Culture and Society. Contemporary Debates / Ed. by J.C. Alexander, S. Seidman. Cambridge, MA. 1990.

Bienfait A., Wagner G. (Hg) Verantwortliches Handeln in gesellschaftlichen Ordnungen. Beiträge zu Wolfgang Schluchters Religion und Lebensführung. Frankfurt a. M., 1998.

Bienfait A., Wagner G. Von Immanuel Kant über Georg Simmel zu Max Weber. Etappen in Wolfgang Schluchters «kantianisierender Soziologie» // Verantwortliches Handeln in gesellschaftlichen Ordnungen / Hrsg. A. Bienfait, G. Wagner. Frankfurt a.M., 1998.

Bienfait A., Wagner G. Freiheit, Verantwortung, Solidarität. Zur Rekonstruktion des politischen Liberalismus. Frankfurt a.M., 1999.

Bormuth M. Lebensführung in der Moderne. Karl Jaspers und die Psychoanalyse. Stuttgart — Bad Cannstatt, 2002.

Burger T. Max Weber's Theory of Concept Formation. History, Laws, and Ideal Types. Durham, NC. 1976.

Coleman J.S. Grundlagen der Sozialtheorie. 3 Bde. München, 1991.

* В этом отношении все еще актуальна диссертация Дитера Хенриха (Henrich 1952). См. также мою интерпретацию (Schluchter 2000a: 22 и след.).

- Davidson D. Handlung und Ereignis. Frankfurt a. M., 1990.
Davidson D. Wahrheit und Interpretation. Frankfurt a.M., 1990a.
Durkheim E. Soziologie und Philosophie. Frankfurt a.M., 1967.
Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge, M.A. 1999.
Eisenstadt S.N. Die Vielfalt der Moderne. Weilerswist, 2000.
Eisenstadt S.N. Comparative Civilisations and Multiple Modernities. 2 Vol. London/Boston, 2003.
Esser H. Soziologie. Allgemeine Grundlagen. Frankfurt a.M./N.Y., 1993. S. 100.
Greve J. Kommunikation und Bedeutung. Grice-Programm. Sprechakttheorie und radikale Interpretation (в печати).
Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze, Frankfurt a.M., 1988.
Habermas J. Sprechakttheoretische Erläuterungen zum Begriff der kommunikativen Rationalität // Zeitschrift fuer philosophische Forschung. 1996. Jg. 50.
Habermas J. Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze. Frankfurt a.M., 1999.
Henrich D. Die Einheit der Wissenschaftslehre Max Webers. Tübingen, 1952.
Krämer S. Sprache, Sprechakt, Kommunikation. Sprachtheoretische Positionen des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 2001.
Lakatos I., Musgrave A. (Eds) Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, MA, 1970.
Lenhart V. Protestantische Paedagogik und der «Geist» des Kapitalismus. Frankfurt a.M., 1998.
Lask E. Fichtes Idealismus und die Geschichte // Lask E. Gesammelte Schriften. Bd. 1. Tübingen, 1923.
Lepsius M.R. Interessen, Ideen und Institutionen. Opladen, 1990.
Lepsius M.R. Demokratie in Deutschland. Soziologisch-historische Konstellationsanalysen. Göttingen, 1993.
Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a.M., 1984.
McClelland D.C. The Achieving Society. N.Y., 1961.
Müller H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit. Frankfurt a.M., 1992.
Norkus Z. Max Weber und Rational Choice. Marburg, 2001.
Nutzinger H.G. (Hg) Religion, Werte und Wirtschaft. China und der Transformationsprozess in Asien. Marburg, 2002.
Pareto V. The Mind and Society. A Treatise on general Sociology. Vol. I. N.Y., 1935
Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Tübingen und Leipzig, 1902.
Schluchter W. Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus. Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte, Tübingen, 1979. (опубликовано в серии «Taschenbuch» под названием «Die Entstehung des modernen Rationalismus. Max Webers Entwicklungsgeschichte des Okzidents». Frankfurt a. M., 1998).
Schluchter W. Religion und Lebensführung. Bd. 1. Frankfurt a.M., 1988a.
Schluchter W. Unversöhnte Moderne. Frankfurt a.M., 1996.
Schluchter W. Individualismus, Verantwortungsethik und Vielfalt. Weilerswist, 2000a.
Schluchter W. Handlungs- und Strukturtheorie nach Max Weber // Berliner Journal für Soziologie. 2000b. Jg. 10.
Schluchter W. (Hg) Max Webers Studie über das antike Judentum. Frankfurt a.M., 1981.

- Schluchter W. (Hg) Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taoismus. Frankfurt a.M., 1983.
- Schluchter W. (Hg) Max Webers Studie über Hinduismus und Buddhismus. Frankfurt a.M., 1984.
- Schluchter W. (Hg) Max Webers Sicht des antiken Christentums. Frankfurt a.M., 1985.
- Schluchter W. (Hg) Max Webers Sicht des Islams. Frankfurt a. M., 1987.
- Schluchter W. (Hg) Max Webers Sicht des okzidentalens Christentums. Frankfurt a.M., 1988.
- Schluchter W., Frommer S. (Hg) Max Weber Gesamtausgabe I/11, Zur Psychophysik der industriellen Arbeit. Tübingen. 1995.
- Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Frankfurt a.M., 1983.
- Schwinn T. Differenzierung ohne Gesellschaft. Umstellung eines soziologischen Konzepts. Weilerswist, 2001.
- Weber Marianne. Max Weber. Ein Lebensbild, Tübingen, 1926.
- Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen, 1920.
- Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 4. Aufl. Tübingen, 1956.
- Weber M. Grundriss zu den Vorlesungen über allgemeine («theoretische») Nationalökonomie. Tübingen, 1898/1990.
- Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 3. Aufl. Tübingen, 1968.
- Winckelmann J. Max Webers hinterlassenes Hauptwerk. Tübingen, 1986.